

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ И ЭТИКИ

Акад. Т. И. ОЙЗЕРМАН

(Институт философии РАН)

И. Кант и проблема объективной социально-исторической закономерности

Подавляющее большинство исследователей философско-исторических воззрений Канта, анализируя учение философа о путях установления всеобщего и постоянного мира между народами, мира, который, по словам Канта, составляет «всю конечную цель учения о праве в пределах одного лишь разума...» (4(2), 282) *, ограничиваются, как правило, рассмотрением одних лишь моральных и политических предпосылок, необходимых, согласно Канту, для достижения этой величайшей цели человечества (добрая воля, категорический императив, республиканское устройство общества, договорные отношения между государствами, направленные на обеспечение постоянного мира между ними). Так, Р. Хенкок в докладе на четвертом международном кантовском конгрессе утверждает: «Для Канта проблема определения моральных обязательств, с которыми должны сообразоваться все нации, есть, по существу, проблема объяснения условий, которые сделают возможным постоянный (lasting) мир во всем мире»¹.

Г. Функе, выдающийся исследователь философии Канта, в отличие от Хенкока, делает акцент на кантовском учении о правовых предпосылках постоянного мира между народами. «Вечный мир, — указывает он, — зависит конкретно от того, смогут ли люди добиться прогресса в создании правовых отношений, т. е. удастся ли им от развития государственного права придти ко все более всеобщим, всеохватывающим формам права»².

Автор этих строк, конечно, далек от того, чтобы оспаривать правильность приведенных высказываний. Кант, как известно, был идеалистом, сторонником идеалистического понимания истории, согласно которому исторический процесс определяется духовными факторами, среди которых Кант выделяет развитие нравственности и правосознания. Однако одной из замечательных черт кантовской философии истории, которой, к сожалению, не оценили должным образом цитируемые авторы, является то, что кенигсбергский мыслитель придает *первостепенное значение* не только развитию нравственности и права, но и объективному

* Здесь и далее ссылки на сочинения Канта по изданию: Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1964—1966 — даются в тексте в круглых скобках (цифра до запятой означает номер тома, после запятой — страницу).

«механизму природы» (человеческой природы, разумеется) **. В соответствии с этим Кант ставит себе задачу исследовать «закономерный (выделено мной. — Т. О.) ход улучшения государственного устройства» (6, 22).

Понятие закономерности исторического процесса обычно истолковывается Кантом в телеологическом духе. Речь идет о скрытых целях природы, о божественном провидении. Но поскольку понятие Бога в рамках трансцендентального идеализма есть идея чистого разума, регулятивная идея, образующая априорную путеводную нить для исследования *эмпирических* обстоятельств, постольку было бы ошибкой сводить кантовское понимание социально-исторической закономерности к лишенному эмпирического содержания представлению о божественном промысле. Достаточно вчитаться в рассуждения Канта о человеческой природе, дабы стало очевидным, что речь у него идет о вполне конкретном, почерпнутом из опыта содержании.

Человек, по учению Канта, есть по природе своей существо общественное. Общение между человеческими индивидами есть условие *sine qua* pop их существования. Однако общительность человеческих индивидов носит, по Канту, недоброжелательный характер. Люди не могут обойтись без взаимного общения, но они при этом совершенно не в состоянии избежать постоянного противодействия друг другу. Каждый человеческий индивид стремится все образовывать только со своим разумением, вследствие чего он неизбежно сталкивается с сопротивлением со стороны других индивидов. Эгоизм, корыстолюбие, властолюбие, честолюбие свойственны, хотя и в разной мере, всем человеческим существам. Поэтому и отношения между членами общества Кант характеризует как противоречивые, антагонистические. «Под антагонизмом, — говорит он, — я разумею здесь недоброжелательную общительность людей, т. е. их склонность вступать в общение, связанную, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением» (6, 11).

Кант, конечно, не первый среди философов, характеризующий отношения между членами общества как взаимное сопротивление и даже враждебность. Т. Гоббс, исходя из такого же представления, создавал свою теорию государства, призванного, по его учению, умерять, обузывать взаимную враждебность человеческих индивидов. Канта, однако, отличает от Гоббса принципиально иная, положительная оценка этого недоброжелательного противостояния членов общества. Таким образом, социальное зло рассматривается под совершенно новым углом зрения. Антагонизм характеризуется Кантом как средство, которым

** Эту весьма важную особенность философско-исторического учения Канта правильно отмечает в своей монографии Л. А. Калинин. Я имею в виду четвертую главу его книги, озаглавленную «Закономерности истории»³.

«природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей...» (6, 11).

История человечества трактуется Кантом как прогрессивное развитие природных задатков человека, человеческого рода. В ходе этого поступательного процесса задатки животности, которые Кант называет первоначальными, все более уступают место задаткам человечности, развитие которых, в свою очередь, ведет к расцвету задатков личности, основной характеристикой которой является свобода, нераздельная с нравственным сознанием. Этот-то прогрессивный процесс совершается в силу противоречий между человеческими индивидами вследствие их сопротивления друг другу. «Именно это сопротивление пробуждает все силы человека, заставляет его преодолевать природную лень, и, побуждаемый честолюбием, властолюбием или корыстолюбием, он создает себе положение среди своих ближних, которых он, правда, не может *терпеть*, но без которых он не может и *обойтись*» (6, 11).

Ж.-Ж. Руссо, оказавший значительное влияние на становление философско-исторической теории Канта, полагал, что враждебные отношения между людьми специфическим образом характеризуют развитие культуры, гражданского общества — в отличие от предшествовавшего ему «естественного состояния», в котором якобы царствовали мир и согласие между человеческими существами. Кант не разделяет этого идиллического представления о естественном состоянии человеческого рода, предшествовавшем цивилизации. Ему совершенно чуждо буколическое восхищение аркадскими пастухами и пастушками, не знавшими плодов цивилизации. В противовес этой идеализации доисторического прошлого Кант решительно заявляет, что «люди, столь же кроткие, как и овцы, которых они пасут, вряд ли сделали бы свое существование более достойным, чем существование домашних животных» (6, 12).

Таким образом, не категорический императив, не моральное совершенствование, а другие, по существу, чуждые нравственности (и не только в кантовском ее понимании) силы и свойства людей оказываются, с точки зрения Канта, движущими силами культуры, цивилизации, общественного прогресса. И Кант, который привык каждое положение своей философии доводить до логического конца, патетически восклицает: «Поэтому, да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все превосходные природные задатки человечества остались бы навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора» (6, 12).

Приведенные положения Канта позволяют сделать вывод, что представления философа о закономерности общественного прогресса, о его движущих силах носят реалистический и, по

существо, диалектический характер. Несмотря на постоянные упоминания о целях природы, божественном провидении, Кант убежден в том, что люди сами творят свою историю, сами являются авторами своей исторической драмы. Но Кант, как мы видим, не ограничивается этим общим для всех философов эпохи Просвещения тезисом. Он идет гораздо дальше, показывая, что люди творят историю вовсе не так, как им заблагорассудится, поскольку не зависящие от их произвола противоречия порождают результаты, которые существенно отличаются от субъективных намерений индивидов. Это значит, что субъективная деятельность порождает объективные, не зависящие от этой деятельности результаты. Кант, следовательно, постигает специфичность социально-исторических закономерностей, специфический характер присущей им объективности, которая радикально отличается от объективности природных закономерностей как субъект-объектное отношение.

Превращение субъективного в объективное — специфическая характеристика социальных закономерностей, которую Гегель образно называл хитростью мирового разума***. Однако Гегель нигде не говорит о том, что открытие этого субъект-объектного отношения, которое он так остроумно наименовал, принадлежит Канту, что вполне очевидно из приведенных выше высказываний философа. И это становится еще более очевидным, если учесть, что Кант не ограничивался положением о противоречивом взаимодействии между человеческими индивидами и объективных, не зависящих от их намерений и ожиданий результатах этого взаимодействия. Кант, развивая это положение, применил его к истории народов и государств. В той же, цитируемой выше работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант утверждает: «Отдельные люди и даже целые народы мало думают о том, что когда они, каждый по своему разумению и часто в ущерб другим, преследуют свои собственные цели, то они незаметно для самих себя идут к неведомой им цели природы, как за путеводной нитью, и содействуют достижению этой цели, которой, даже если бы она стала им известна, они бы мало интересовались» (6, 7—8). Едва ли необходимо доказывать, что это положение Канта вполне предвосхищает и как бы заранее формулирует гегелевский тезис о хитрости мирового разума. Впрочем, констатация данного факта не умаляет значения философии истории Гегеля, в которой данное кантовское положение получает всестороннее развитие и обоснование.

*** Гегель писал: «Разум столь же хитер, сколь могущественен... божественное провидение ведет себя по отношению к миру и его процессу как абсолютная хитрость. Бог дает людям действовать, как им угодно, не стесняя игру их страстей и интересов, а получается из этого осуществление его целей, которые отличны от целей, руководивших теми, которыми он пользуется»⁴.

Признание объективного «механизма» человеческой природы, объективной исторической необходимости, закономерности носит у Канта, как уже подчеркивалось выше, телеологический характер. Однако в этой телеологии, несмотря на довольно частые ссылки на божественное провидение, ссылки, которые являются типичным, окрашенным умонастроением агностика эфемизмом, нет, в сущности говоря, ничего теологического. Речь идет о развитии природных задатков человека, т. е. развитии человеческой природы, человечности. И важнейшим направлением этого культурного прогресса является становление и, в конечном итоге, установление вечного мира между всеми народами. Эта верховная цель будет, по Канту, достигнута не просто путем морального совершенствования, а благодаря принудительному «механизму природы» и его сознательному использованию людьми, государствами, осуществившими принцип республиканизма, суть которого, как разъясняет Кант, заключается в разделении властей: законодательной, исполнительной и судебной. Подчеркивая существование объективного социального механизма и необходимость его сознательного использования, Кант прямо заявляет: «Ведь дело идет не о моральном совершенствовании людей, а только о механизме природы, относительно которого требуется узнать, как использовать его применительно к людям, дабы направить в народе столкновение немирных устремлений индивидов в составе народа, чтобы они сами заставили друг друга подчиниться принудительным законам и таким образом осуществить состояние мира...» (6, 286).

Несколько ниже, в той же статье «К вечному миру», Кант еще раз подчеркивает: «...не от моральности надо ожидать хорошего государственного устройства, а, скорее, наоборот, от последнего — хорошего морального воспитания народа» (6, 287). Мы видим, что Кант, во всяком случае в этой, одной из последних своих работ, отнюдь не абсолютизирует нравственный закон, категорический императив, а напротив, ставит моральное сознание в зависимость от государственного устройства.

Республика является не только основой совершенствования нравственности, но и главным политическим условием достижения вечного мира между народами. Ведь только в республике, разъясняет Кант, вопрос о том, быть или не быть войне, решается народом, который, в отличие от своих правителей, никогда не заинтересован в том, чтобы развязать войну. Однако Кант не ограничивается указанием на политические предпосылки вечного мира. Он пытается (пусть не покажется это удивительным) выявить и экономические условия, которые приведут к прекращению войн между народами. «Дух торговли, который рано или поздно овладевает каждым народом, — вот что несовместимо с войной» (6, 287). Это убеждение, конечно, иллюзия, буржуазно-демократическая иллюзия. Кант жил в феодальном обществе, в недрах которого складывались, развивались буржу-

азные, более цивилизованные по своей форме экономические отношения. С ними Кант связывал осуществление самой возвышенной цели — вечный мир между народами. Заблуждение Канта имеет не только субъективный источник; оно коренится в исторической неразвитости капиталистических отношений и внутренне присущих им антагонизмов. Это, представляющееся в наше время наивным заблуждение, не должно затушевывать принципиальной методологической ценности кантовского подхода. Здесь налицо попытка вскрыть глубинные, экономические предпосылки общественного прогресса, высшим достижением которого Кант, не без основания, считает постоянный мир между всеми народами.

Кант был историческим оптимистом, т. е. связывал свои гуманистические упования с развитием общества, общественным прогрессом. Но он отнюдь не идеализировал прогресс; более того, он полагал, что «на той ступени культуры, на которой человечество еще стоит, война является неизбежным средством, способствующим его прогрессу, и только (Бог ведает когда) при достижении нами наивысшего предела последнего постоянный мир мог бы быть для нас благоворен, и только при этом условии он был бы единственно возможным»⁵. Это положение, которое Кант конкретизирует в работе «К вечному миру», связывая с войнами расселение народов по земной поверхности, освоение пустынь и сурового севера, принципиально отличает воззрение Канта от концепций пацифистов утопического толка.

Итак, войны, согласно учению Канта, исторически обусловлены определенными эпохами развития человечества. Следовательно, войны как феномен общественного развития не вечны. Объективный механизм общественного развития, включающий в себя ряд «преобразовательных революций» (6, 21), с необходимостью влечет за собой то, что Кант называет «всемирно-гражданским состоянием», т. е. такой союз государств, который навсегда исключит войну из практики международного общения. К такому союзу влечет человечество и его собственный горький исторический опыт. Этот опыт войн и неизбежно связанных с ними жертв, опустошений, разрушений, закономерно приведет «к тому, что разум мог бы подсказать им (народам. — Т. О.) и без столь печального опыта, а именно выйти из незнающего закона диких и вступить в союз народов, где каждое, даже самое маленькое, государство могло бы ожидать своей безопасности...» (6, 15—16).

Убеждение Канта в том, что установление вечного мира между народами постепенно, благодаря общественному прогрессу, становится объективной исторической необходимостью, к осуществлению которой человечество все более и более приближается, не имеет ничего общего с провиденциализмом, фатализмом. Кант далек от отождествления исторической необходимости с неотвратимостью, неизбежностью. Ведь эта объективная необ-

ходимость, о которой говорит Кант, есть закономерность человеческой деятельности, а не нечто предустановленное свыше. Историческая необходимость, понимаемая как субъект-объектное отношение, предполагает альтернативу, выбор. Неудивительно поэтому, что Кант не исключает возможности самоуничтожения цивилизации вследствие присущих ей противоречий, которые могут при определенных условиях и, конечно, в силу неразумной деятельности самих людей привести к небывалой по своим масштабам истребительной войне, результатом которой окажется также вечный мир, но лишь в смысле кладбищенского покоя человечества. Поэтому Кант предупреждает: «Нельзя заранее сказать, не подготовит ли нам в конце концов несогласие, столь естественное для нашего рода, ад кромешный, полный страданий, на какой бы высокой ступени цивилизации мы ни находились, именно тем, что человечество, быть может, вновь уничтожит варварскими опустошениями самое эту ступень и все достигнутые успехи культуры...» (6, 17).

Это было сказано свыше 200 лет тому назад, но сегодня предостережение Канта гораздо более актуально, чем в его время. Это предостережение выступает как мудрое предвидение вероятности всемирно-исторической катастрофы, которую человечество не только должно, но и способно предотвратить.

Подведем некоторые итоги.

Противопоставление свободы и природы, специфическим образом характеризующее философию Канта, отнюдь не означает, что в сфере свободы, т. е. человеческой деятельности, поскольку она иницируется трансцендентальным чистым практическим разумом, нет места необходимости, закономерности, объективной обусловленности. Человек как трансцендентальный субъект — свободен, не зависит от необходимости, но как эмпирический субъект, следовательно, в рамках пространственно-временного континуума, он подчинен необходимости. Таким образом, человеческую жизнь специфически характеризует сочетание первичной (трансцендентальной) свободы и эмпирической необходимости, обусловленности. Поэтому человеческая жизнь, история человечества в целом определяются и свободой, и необходимостью. Отсюда кантовское представление о «механизме» человеческой природы как субъект-объектном отношении.

В природе, согласно учению Канта, нет и не может быть должностования; здесь все происходит по необходимости, не знающей исключений. Долженствование специфическим образом характеризует жизнь человеческого индивида, общество, историю человечества. Долженствование предполагает возможность выбора, самодеятельность, ответственность человека за свои поступки. Однако долженствование не исключает «механизма» человеческой природы, т. е. объективной необходимости, осуществляемой сознательно или бессознательно самими людьми. Следовательно, Кант благодаря своему понятию механизма при-

роды (природы человека) намечает пути преодоления абстрактного должноствоания, априорного противопоставления должного существу. Осуществление должного оказывается при такой постановке проблемы не только делом субъективного выбора (свободного произвола, по терминологии Канта), но и результатом объективно совершающегося необходимого процесса. Это значит, что развитие человеческой природы, т. е. присущих человеческому роду задатков, способностей есть объективный исторический процесс. По словам Канта, природа «*делает* это сама, хотим ли мы этого или нет» (6, 285).

Несколько ниже Кант снова настойчиво подчеркивает: «...природа неодолимо *хочет*, чтобы право получило в конце концов верховную власть» (6, 286). Ясно, конечно, что речь идет о человеческой природе, объективной закономерности ее развития. Кантовский способ изложения, отдающий антропоморфизмом, может ввести в заблуждение лишь несведущего читателя.

Мы начали с констатации того, что большинство исследователей философии истории Канта не придает существенного значения положениям философа об объективной исторической необходимости в развитии человечества. Недооценка этих положений, развитых Кантом в работах, завершающих его исследование, объясняется, на мой взгляд, игнорированием того факта, что эти положения, по существу, предвосхищают исходные тезисы материалистического понимания истории. Человечество само создает объективные материальные условия, которые определяют его существование и развитие. Таков важнейший философско-исторический вывод Канта, который вплотную подводит к материалистическому пониманию истории.

¹ Hancock R. Kant on War and Peace//Akten des 4. Internationalen Kant-Kongresses. Teil 2.2. Berlin, 1974. S. 668.

² Funke G. Zum ewigen Frieden. Ethik und Politik//Funke G. Von der Aktualität Kants. Bonn, 1979. S. 152.

³ Калининков Л. А. Проблемы философии истории в системе Канта. Л., 1978. С. 111—114.

⁴ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 397—398.

⁵ Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории//Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 57.

В. Д. ШМЕЛЕВ

(Уральская лесотехническая академия)

Кантовское понимание конечной цели

Современная эпоха характеризуется небывалым усложнением общественных связей, быстрыми и кардинальными переменами во всех областях человеческой жизни, превращением практического воздействия людей на природу в космическую, гло-